

Л.А.Гайнутдинова

Гражданское общество в Аргентине и Бразилии

Современное понимание термина «гражданское общество» возникло в ряде стран Латинской Америки, в том числе в Аргентине и Бразилии в конце XX в. в процессе перехода от авторитаризма к демократии. Особенности этого перехода обусловлены более глубокими преобразованиями, связанными с запоздалой модернизацией различных сфер жизнедеятельности социума. Именно в эпоху модернизации формируется способ включения широких слоев населения в политический процесс и определяется как характер связи гражданского общества с государством, так и то, какого вида автономии на национальном уровне удастся или не удастся достичь гражданскому обществу.

Ключевые слова: гражданское общество, демократия, авторитаризм, запоздалая модернизация, процесс включения, патрон-клиентелистские сети, интеграция.

В рамках третьей «волны» демократизации, которая в ряде стран Западной Европы начинается с первой половины 70-х годов XX в., демократические процессы охватили и некоторые латиноамериканские государства, включая Аргентину (1983) и Бразилию (1985). При переходе от авторитарного правления к демократии эти страны должны были преодолеть системные издержки предыдущих режимов, связанные со сверхконцентрацией принятия решений, дефицитом обратной связи с обществом, проблемами легитимизации, а также параллельно формировать новые институты, укрепляющие демократические правила игры и стабилизирующие демократическую политическую систе-

му в целом. Этот переход можно разделить на два этапа:

— во-первых, период «либерализации», понимаемой как реставрация и/или расширение прав индивидов и групп интересов;

— во-вторых, стадия демократизации, когда происходит установление принципа гражданства, основанного на процедурном участии.

В совместной книге известного аргентинского политолога Гильермо О’Доннелла и американского политолога Филлипа Шмиттера «Переход от авторитарного правления» такие переходы рассматриваются как в значительной мере зависящие от «возрождения гражданского общества»¹. Гражданское об-

Людмила Александровна Гайнутдинова — кандидат философских наук, доцент, докторант кафедры международных политических процессов факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета.

щество понимается ими как сеть групп интересов и ассоциаций, промежуточная между семьями и первичными группами, с одной стороны, и собственно государственными организациями — с другой, т.е. сеть, играющая роль посредника между индивидуумом и государством, сферой частного и сферой публичного. В отличие от клана, клики и клиентелы, ассоциации гражданского общества сами по себе обладают формальным правом на существование, возможностью открыто обсуждать общественные проблемы и публично выступать в защиту своих интересов.

Завершающим этапом «возрождения» гражданского общества является высокая степень массовой мобилизации, в ходе которой различные слои гражданского общества, хоть и на время, но все же вырабатывают единую коллективную идентичность. Однако, следует учесть, что, во-первых, в авторитарных государствах, вступивших на путь либерализации, гражданское общество приходит в движение не все сразу, а слой за слоем, и слои эти, обладая существенными отличиями, мобилируются друг за другом: группы интеллектуалов, организации представителей среднего класса, организации по защите прав человека, профессиональные организации, движения промышленных рабочих и т.д. Последовательность этой мобилизации может быть самой разной, но даже в условиях высокой степени мобилизации различные группы, ассоциации и организации не сливаются в единую массу. Во-вторых, формы активности возрожденного гражданского общества, как правило, являются не столько массовыми, сколько публичными, так как включают в себя все разновидности собраний от интеллектуальных дискуссий в университетах, книжных магазинах, кафе и пр. до различного рода ассоциаций, составляя в совокупности новую среду, в которой в процессе обсуждения общественно значимых проблем происходит обучение гражданству или так называемая «тренировка на гражданина»².

Эти публичные формы не исчезают даже при самом высоком уровне мобилизации различных социальных движений, которые противостоят диктатурам.

Как правило давление высоко мобилизованного общества не способно довести до завершения процесс перехода к демократии, так как стратегия низов сама по себе никогда не приводела к успеху: ведь гражданские ассоциации, социальные движения и даже средства коммуникации не могут подменить собой политических акторов, способных мыслить стратегически. Перед лицом жесткой авторитарной власти высокий уровень непосредственной мобилизации может привести к непредвиденным последствиям. Лишившись возможности преодолеть поляризацию, такие формы мобилизации гражданского общества могут разрушить государственные инициативы, не выдвигая собственной внятной альтернативы, а страх перед режимом может легко уступить место страху общества перед самим собой, страху перед теми последствиями, которыми чревато бессилие власти. Это приводит к пониманию того, что для завершения перехода к демократии необходима ориентация на политическое общество, без которого невозможно ни осуществление переговорных процессов для консолидации интересов разных сторон, ни выработка механизмов социетального контроля над поставторитарным государством. К тому же наивысший уровень мобилизации гражданского общества не может сохраняться в течение длительного времени. Поэтому на определенном этапе демократизации очень важен процесс демобилизации гражданского общества и институционализации его основных стратегий в рамках политического общества.

По мнению американских ученых политолога Дж.Коэна и социолога Э.Арато³, «определенные черты гражданского общества играют не меньшую роль в периоды откатов, в частности военных путчей, чем в процессах инициации и ускорения перехода. В то

время как некоторые аналитики опасаются чрезмерной мобилизации, видя в ней повод для переворота и мотив для консолидации правящих элит, господствующая точка зрения подчеркивает цену конфликта с мобилизованным гражданским обществом как используемый реформаторами фактор сдерживания сторонников жесткого курса». И далее добавляют: «...имеют значение не только степень мобилизованности, но и структура формирований, ибо легче подчинить себе общество, не имеющее глубоких организованных корней и связей, даже если оно поверхностно мобилизовано, чем хорошо структурированное общество»⁴.

Характер самого мобилизованного гражданского общества зависит от двух альтернативных моделей:

— оно более однородно там, где не существовало или не сохранилось никаких предварительных структур;

— оно более плюралистично и структурировано там, где гражданское общество не приходилось создавать с нуля после высокой степени атомизации общества.

Как показывает историческая практика, в Аргентине, как правило, авторитарные режимы после закрепления своей власти атомизируют, деполитизируют общество, выталкивая население в сферу частной жизни и превращая публичную сферу в область манипуляций и контроля⁵, а в Бразилии гражданское общество при авторитарном правлении имеет тенденцию к сохранению в форме ассоциаций по интересам различного рода независимых организаций и местных органов управления⁶. Однако возрождение гражданского общества, стимулирующее процессы демократизации, возможно и в том, и в другом случае, и при наличии сохраняющихся форм различных организаций, и в отсутствии таковых.

В целом в Аргентине и Бразилии противопоставление гражданского общества и государства явилось концептуально двойственным результатом периода самоорганизации общества, приведшего к поляризации демократиче-

ских и авторитарных сил. Гражданское общество было достаточно сильным, для того чтобы не только выжить, но и бросить вызов легитимности авторитарного государства, но оно не было достаточно сильным, чтобы заставить государство идти на подлинные компромиссы или вообще отойти от авторитарного правления. Такое положение обусловлено рядом обстоятельств, связанных с процессами запоздалой модернизации: несмотря на то, что нижние слои и классы в условиях модернизации активно включились в национальные политические процессы и структуры национального центра, они по-прежнему не имели достаточного влияния на политическую власть, на распределение финансовых ресурсов и не получили социального статуса.

Профессор социологии Лондонской школы экономики Никос Музеллис⁷ считает, что если процесс модернизации влечет за собой экстенсивное, т.е. горизонтальное распределение гражданских и политических прав, то такой процесс ведет к формированию сильного гражданского общества. Когда же такие права не широко распространены, например, когда массы вовлекаются гетерономно в авторитарной манере, то такой процесс ведет к слабому гражданскому обществу. В соответствии с таким подходом он определяет основные характеристики сильного гражданского общества:

— существование правовых условий, эффективно защищающих граждан от произвола государства;

— существование хорошо организованных негосударственных групп интересов, способных проверять нарушения закона теми, кто контролирует средства администрирования и принуждения;

— существование сбалансированного плюрализма, при котором ни один из институтов гражданского общества не может стать доминирующим⁸.

Как известно, исторически гражданское общество возникает в процессе борьбы между государственными структурами и самоорганизующимися элементами, конкурирующими друг с дру-

гом и преследующими коллективные интересы. Сегодня сила гражданского общества отражается в распределении политической власти по всему общественно-политическому спектру. В конечном счете оно вносит свой вклад в существование стабильных демократических режимов, поддерживаемых уже сильными гражданскими обществами, составные элементы которых прошли свой путь борьбы за демократию. В ситуации, когда слишком сильное и авторитарное государство доминирует, гражданское общество является слабым. Поэтому, можно сказать, что именно слабость гражданского общества внесла свой вклад в институционализацию авторитарных режимов в Аргентине и Бразилии.

СПОСОБЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВКЛЮЧЕНИЯ (ИНКЛЮЗИИ)

В процессе модернизации происходит смещение ориентаций широких масс населения с локального периферийного уровня к национальному центру. В этот период возникает и новый тип социальной мобильности/включения, который базируется на различных отношениях между группами интересов и национальным центром, т.е. открываются новые пути вовлечения людей во взаимодействие с центром. В Аргентине и Бразилии, где процесс модернизации проходил намного позже, чем в западноевропейских странах, несмотря на относительно раннее формирование либерально-демократических политических институтов, утверждение политики социальных программ по улучшению условий жизни, процесс политического включения приобрел более вертикальный и авторитарный характер, а распространение политических и социально-экономических прав происходило более неравномерно и ограничено.

По мнению Моузелиса, с точки зрения идеально-типических подходов политическое включение (инклюзия) широких слоев населения происходит тремя способами:

1) *интегративный способ*, который превалировал в некоторых северо-западных европейских политических системах и который отличается относительно автономной горизонтальной системой включения (инклюзией) населения в национальную политику;

2) *инкорпоративно-клиентелистский способ*, который приводит людей в политику путем включения в персонализированные, высоко партикуляризованные патрон-клиентелистские сети, пересекающие и снижающие значимость более горизонтальных форм политической организации, таких, как профсоюзы или партии, изначально основанных на универсальных критериях рекрутирования;

3) *инкорпоративно-популистский способ*, который мобилизует и вводит граждан в активную политику не через горизонтально организованные группы интересов, а посредством массовой привязанности к лидеру, чья харизма становится главным источником легитимации и чья плебисцитарная организация, если она вообще имеется, становится главным связующим звеном между интересами гражданского общества и публичной сферой⁹.

В Аргентине и Бразилии из-за структурных сложностей в институционализации интегративных способов политической инклюзии развилась тенденция отхода на задний план интегративного способа и формирование инкорпоративно-клиентелистского и/или популистского способов¹⁰. Одна из таких тенденций, демонстрирующая сильную связь с прошлым, представляет собой активизацию и расширение уже существующих патрон-клиентелистских сетей, которые характеризуются неформальными отношениями между индивидами или группами, занимающими неравные позиции и основанными на обмене бенефициями. Патрон-человек, обладающий высоким статусом, использует свой авторитет и ресурсы для оказания покровительства и представления бенефиций тем, чей статус низок, — клиентам, которые в обмен за это оказывают ему поддержку и разного рода услуги. Патрон-клиентелистские отношения

конституируют наиболее древние модели отношений и в отличие от племенных первичных организаций, которые соединяют людей вместе на началах крови, могут быть определены как такие, где отношения лидеров клана с «клиентами» строятся на договорной, но не формальной основе. Особенностью современного клиентелизма является то, что связи носят более комплексный характер: патрон, контролируя политические организации, пользуется общественными ресурсами (рабочие места, пенсии, социальные льготы), тогда как клиенты, которыми могут быть и организации (этнические меньшинства, профессиональные союзы), в ответ оказывают электоральную поддержку. Главным механизмом современного клиентелизма является политическая машина, возглавляемая и направляемая боссом, играющим роль политического менеджера. В этом случае политическое включение, например, переход от ограниченных, олигархических к более широким формам политического участия, осуществляется путем расширения и централизации уже имеющихся сетей и организаций патронажа.

ПОПУЛИЗМ

В процессе запоздалой модернизации традиционный олигархический клиентелизм не только приобретает более широкую базу и трансформируется, но и в значительной части заменяется другим типом политической инклюзии, основанном на популистских механизмах, которые снижают роль системы функционального представительства, т.е. сильных посредников, характерных и для клиентелистского, и для интегративного типа. Инкорпоративно-популистский способ влечет за собой создание плебисцитарных организационных структур и порождает организационные формы, которые легко подчиняются харизматическому лидеру, способному обойти посредников и апеллировать напрямую к народу¹¹. Поэтому, несмотря на то, что в условиях запоздалой модернизации в Аргентине и Бразилии

землевладельцы оказались в состоянии клиентелистским путем контролировать своих подчиненных в сельской местности, высокий уровень урбанизации и индустриализации привел к уничтожению олигархического парламентаризма. А быстро растущий городской средний класс оказался способен разрушить олигархический контроль над государством, который осуществляли небольшое количество семей землевладельцев, экспортёров сельхозпродукции и природного сырья, и включиться в активную политику путем мобилизации городских масс и выстраивания популистских организаций в качестве противовеса сохраняющейся экономической власти землевладельцев¹².

Конечно, популизм в Аргентине и Бразилии, особенно в период между мировыми войнами, не может быть объяснен только с точки зрения олигархического/постолигархического перехода. Его относительная распространенность в ранний постолигархический период не в последнюю очередь объясняется и экономическими факторами, такими, как переход после 1929 г. от экспорта сырья, т.е. первичной продукции, к импортозамещающей индустриализации. Это переключение создало очень благоприятные условия для развития политики, основанной на антиимпериалистической риторике и на социальных мерах политической инклюзии из ряда «кнута и пряника» — таких, как социальное обеспечение рабочих с одновременным снижением уровня независимости профсоюзных организаций¹³. Когда в первые годы после Второй мировой войны изначальная модель импортозамещающей индустриализации перестала работать, пришлось углублять индустриализацию с помощью иностранного капитала. Это резко сократило воспроизводство популистских моделей инкорпорирования, в результате чего включение в политический процесс стало принимать более клиентелистские и/или авторитарные формы. Что касается последних, то следует отметить, что хотя установление бюрократически-авторитарных режимов в 1960—1970-е

годы в Аргентине и Бразилии не было напрямую связано с требованиями углубления процесса индустриализации, можно утверждать, что существует много общего между индустриализацией, осуществляемой иностранным капиталом, и бюрократическим авторитаризмом. Подобная логика наблюдалась и между импортозамещающей индустриализацией и популизмом¹⁴.

Все вышесказанное означает, что в отличие от типичной западноевропейской траектории, приведшей к формированию интегративного способа включения широких слоев населения в политический процесс, что способствовало становлению сильного гражданского общества, в Аргентине и Бразилии инкорпоративные механизмы включения (клиентелистские или популистские) не отходят на задний план по мере того, как эти страны достигают более высокого уровня индустриализации и урбанизации и сохраняют тенденцию к доминированию в различных комбинациях. Вместо этого происходит следующее:

— возникает *или* ситуация маятника, когда открытые/демократические и закрытые/диктаторские решения сменяют друг друга по мере того, как гражданские и военные элиты пытаются бороться с растущими противоречиями запоздалого развития (пример: Аргентина);

— *или* ситуация, когда более стабильное авторитарное правление, где инкорпоративные способы инклюзии подкрепляются сильной дозой скрытого авторитаризма, что ведет к системе «управляемой демократии» (например, Бразилия)¹⁵.

Таким образом, инкорпоративные способы, в отличие от интегративных, в условиях массовой политики являются не столь эффективными для поддержки хорошо функционирующей парламентской демократической системы и приводят к авторитарным решениям в тот момент, когда клиентелистские и/или популистские организационные договоренности перестают работать. Все это не означает, что авторитаризм может быть институционализирован навечно, так как, несмотря на относительно давно су-

ществующие и сохраняющиеся демократические традиции, авторитарным режимам, как правило, не удается обеспечить себе длительную массовую поддержку и сильную организационную основу.

ПРИЧИНЫ ПРОВАЛА ИНТЕГРАТИВНОГО СПОСОБА

Основной причиной провала установления интегративного типа политической инклюзии при запоздалом развитии является наследие колониального периода развития этих стран. Аргентина и Бразилия вплоть до начала XIX в. были в составе огромной патримониальной Иберийской империи¹⁶, поэтому они не могли приобрести опыт западноевропейского абсолютизма с его уникальным балансом между монархом и аристократией, который уже на ранних стадиях привел к зарождению основ правового государства и возникновению средних слоев. Вместо этого в этих странах, где отсутствие политического феодализма позволило иберийским правителям создать сильное деспотическое государство, нетерпимое к автономным интересам групп и ассоциаций¹⁷, доминировал тип крайнего, деспотического патримониального правления.

Государство в Аргентине и Бразилии не только находилось под бременем негативного наследия, но и траектория его развития после обретения независимости еще больше усилила деспотические характеристики предшествующего периода. Если учитывать колоссальный рост роли государства, предшествовавший развитию капиталистического производства, и принимать во внимание, что запоздалая широкомаштабная модернизация была достигнута лишь под патронажем государства, и, наконец, ограниченный тип капитализма, который, в конечном счете, стал господствовать в этих странах, то неудивительно, что большинство организаций гражданского общества функционировали здесь не столько как защитники от государственного деспотизма, сколько как административное дополнение к государственному аппа-

рату, по своему характеру высоко коррумпированному и партикуляристскому, т.е. ориентированному прежде всего на защиту частных и узкогрупповых интересов. Это справедливо, например, по отношению к профсоюзам, которые, в отличие от западного варианта, создавались не в качестве оппозиции государству и бизнесу, а самими государственными элитами для укрепления своих инструментов доминирования.

Такое различие в отношении артикуляции интересов государства и гражданского общества становится совершенно очевидным при рассмотрении современного корпоративизма¹⁸. В Аргентине и Бразилии то, что называется корпоративистскими соглашениями, базируется не столько на реальном сотрудничестве, сколько на открытом или скрытом принуждении со стороны государства. Другими словами, корпоративистские соглашения, превалирующие в этих странах, находятся где-то в промежутке между либеральным корпоративизмом¹⁹ и другой крайностью — фашистским корпоративизмом. В свою очередь либеральный корпоративизм влечет за собой создание сильного гражданского общества; фашистский корпоративизм, где трудовые права формально отменены, вообще исключает развитие гражданского общества; а в рамках авторитарного корпоративизма, где права профсоюзов ослаблены, можно говорить только о существовании слабого гражданского общества.

Высказанные выше положения позволяют сделать следующий вывод: если *интегративные* способы политической инклюзии ведут к формированию относительно сильного гражданского общества, то *инкорпоративные* способы и клиентелистский, и популистский ослабляют гражданское общество. Таким образом, инкорпоративно-популистский способ включения в политику, который широко практикуется в Аргентине и Бразилии, ослабляет гражданское общество, потому что, когда популистские лидеры захватывают государственную власть, их плебисцитарный стиль лидерства ведет к снижению

роли посреднических структур, и оно теряет способность контролировать государственный произвол сверху или власть толпы снизу.

В заключение хотелось бы подчеркнуть: социальные основы гражданского общества, начиная с первичных групп (семьи, друзей) и кончая различного рода ассоциациями, никогда не исчезали ни при одной из латиноамериканских диктатур. Так как авторитарным режимам никак не удастся на длительное время решить проблему собственной легитимности, они вынуждены создавать или реконструировать элементы гражданского общества, которые способствовали бы развитию независимой от государства деятельности²⁰, чтобы периодически использовать ее в своих интересах. Несмотря на то, что такие действия сверху всегда осуществлялись в очерченных границах, задача подтверждения легитимности не позволяла превращать их в полный фарс. Вместе с тем демократические институты и правила игры остаются во многом формальными, открывая перед основной массой населения Аргентины и Бразилии лишь слабую возможность участвовать в политической жизни, эффективно контролировать власть и требовать от нее отчета. Отчуждение общества, народа от политики растет, однако, преодолеть его и продвинуться к подлинной демократии можно, лишь сохранив институты и нормы формальной демократии. Их стабильное функционирование — необходимое, хотя и недостаточное условие демократизации экономической, социальной и культурной сфер, или, иначе говоря, становления гражданского общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Transitions from Authoritarian Rule. Vol. 4. Baltimore, 1986.

² Ibid., p. 51—53.

³ Дж.К о э н, Э.А р а т о. Гражданское общество и политическая теория. М., 2005, с. 84.

⁴ Там же.

⁵ Transitions from Authoritarian.. p. 48.

⁶ Ph.S c h m i t t e r. Introduction to Southern European Transitions from Authoritarian Rule. — Op. cit., vol. 1, p. 6—7.

⁷ N.M o u z e l i s. Modernity, Late Development and Civil Society. — Civil Society. Theory, History, Comparison. Cambridge, 1995, p. 225.

⁸ Ibid., p. 231.

⁹ Ibidem.

¹⁰ N.M o u z e l i s. On the Concept of Populism: Populist and Clientelist Modes of Incorporation in Semiperipheral Politics. — Politics and Society. London, 1985, vol. 14.

¹¹ Об этом подробно см.: N.M o u z e l i s. Politics in the Semi-Periphery: Early Parliamentarism and Late Industrialization in the Balkans and Latin America. London, 1986, p. 62—72.

¹² По поводу дискуссии о связи между импортозамещающей индустриализацией и популизмом см.: J.M a l l o y. Authoritarianism and Populism in Latin America. Pittsburgh, 1977.

¹³ Изначальную теорию формирования бюрократического авторитаризма см.: G.O'D o n n e l l. Modernization and Bureaucratic Authoritarianism. Berkley, 1973. Дискуссию по поводу теории O'Donnell см.: D.C o l l i e r. The New Authoritarianism in Latin America. Princeton, N.J, 1979.

¹⁴ N.M o u z e l i s N. Class and Clientelist Politics: The Case of Greece. — Sociological Review. London, 1978, vol. 26.

¹⁵ Развитие этой точки зрения см.: N.M o u z e l i s N. Politics in the Semi-Periphery... p. 97—184; е г о ж е. Regime Instability and the State in the Parliamentary Semi-periphery. — State and Instability in the Third World. London, 1989. Демократические тенденции в Латинской Америке см.: Transitions from Authoritarian Rule.

¹⁶ C.V e l i z. The Centralist Tradition in Latin America. Princeton, New York, 1980; M.S a g a t t i. Spanish Bureaucratic Patrimonialism in America. California, 1966.

¹⁷ См. об этом: N.M o u z e l i s. Politics in the Semi-Periphery... p. 62—72.

¹⁸ Подробнее см.: Ф.Ш м и т т е р. Неокорпоративизм. — Политические исследования. М., 1977, № 2, с. 14—22.

¹⁹ Например, Г.Лембрух определил либеральный корпоративизм как особый тип участия больших организованных групп в выработке государственной политики, по преимуществу в области экономики, отличающийся высоким уровнем межгрупповой кооперации. См.: G.L e m b r u c h. Trends Towards Corporatist Intermediation. Beverly Hills and London, 1979.